

Семечки

Рассказы

* * *

КОГДА МНЕ БЫЛО четыре года, была у меня соседка снизу — очень интересная женщина. Я ее очень любила, потому что голос у нее такой ласковый, глаза мягкие, вся она добрая и смешная, приветливая очень, но особенно она мне была мила с тех пор, как побывала у нас в гостях. Дело вот в чем. Просто семечки я щелкать не умела. А сидят все и семечки жуют. Мне кажется, так это вкусно, так увлекательно! Думаю, как же им всем повезло, что они такое умеют, а я — нет. Говорю бабушке Тане: «Бабушка-бабушка, семечек мне пощелкай». Она поворчала-поворчала, говорит: «Сама учишься». Поворчала, семечек в рот кинула, выплюнула чистые — без шелухи, протянула мне. Я их беру — мокрые, противные, все в слюнях. Не есть неудобно, есть не хочется... Бросила куда-то, где не видно. Сижу — расстроилась. Обидно. Тут тетя Ирочка взяла и начистила мне семечек руками, безо всяких слюней, и так мне приятно стало, так прям потеплело на душе. С тех пор я ее очень люблю.

Мне было четыре года, а ее звали Ирочка. У нее было три дочери. Средняя — Ира (я с ней дружила). Когда я выросла, узнала, что есть еще старшая — Ирина. Когда еще выросла, родилась младшая — Ирка.

Мужа звали Федором.

* * *

ПОСЛЕ ПЕРВОГО класса, на летних каникулах, родители решили отдохнуть от меня и отправили свою дочурку в лагерь. Лагерь в принципе ничего, наверное, даже сносный, но в моих воспоминаниях о нем очень много неприятного. Связано это большим числом с одним парнем. Парень — ничего особенного, долговязый такой, странный, весь в зеленке. Очень отчего-то я ему нравилась, поэтому он меня решил защищать. Ото всех. По крайней мере, из мальчиков ко мне никто не мог подойти. Девочкам тоже не было приятно общество моего преданного ухажера, и вот страдала я так и страдала. Дни мои превращались в сущие мучения. Видеть его я не могла, говорить с ним тоже не могла, мне хоть и жалко его было, но все же я ему сказала, что меня его внимание докучает. За этим ничего не последовало. Сказать опять я стеснялась. А он тоже страдал, только от другого — от любви, не разделенной. Но в один пре-

красный, очень счастливый для меня момент вдруг все оборвалось — я в него кинула то ли шишку, то ли камушек, и у него случилось сотрясение мозга. Но я совсем без злого умысла. Случайно.

* * *

КОГДА Я БЫЛА поменьше, я жила вместе со своими бабушкой и дедушкой, но, в общем, дело не в этом. Ездили они как-то в Индию. Там купили очень хорошие книги, которые, собственно говоря, никому не были нужны, хотя бы потому, что написаны по-индийски — ничегошеньки непонятно. Зато картинки очень красивые, яркие, живые — мне нравились их разглядывать и придумывать разные истории про тех, кто там изображен. И так они мне все нравились, очень хотелось пожить такой же яркой и интересной жизнью, которую сама им придумала. В общем, от такого необъятной величины желания я решилась приблизиться к ним еще ближе, стать похожей на индианку. Иными словами, подошла к зеркалу и воткнула себе ручку в лоб. Выступило пятнышко крови. Действительно, похоже — красное, как у них. Боялась, что кровь пройдет и пятнышко исчезнет. Подумала, что, видимо, надо еще потыкать, чтоб ранка так быстро не затянулась, а я не перестала быть индианкой. Но все пошло не так. Моя точка вышла больно уж высоко.

* * *

ВОТ БАБУШКА мне говорила — не рви листочки у цветочка, он же живой, не мни травку — она ведь живая. Тогда я подумала, а ведь и еда, значит, тоже живая, ведь мы берем ее с деревь-

ев, с полей — что бы это ни было — оно откуда-то вязлось и, значит, в этом есть жизнь.

Тогда я начала думать — «о чем же думает еда?».

Вот у меня есть папа. Он работает футболистом и он очень любит свою работу, из-за этого он даже уезжает в другие города и страны, поэтому он очень устает и сразу валится спать. Отчего же он это делает? Но я-то давно поняла, что просто ему все это нравится.

Тогда я поняла, что еда хочет, чтобы ее ели потому, что нет ничего лучше, чем заниматься тем делом, которое получается у тебя лучше всего, тем, что называется предназначеньем, а ведь это и есть предназначенье еды.

Тогда я представляла, что все маленькие рисинки, макаронки и помидорчики кричат у меня в тарелке «Съешь меня первым!», «Нет, меня первым!» — и я даже не знала, кого мне есть первым — а никого обижать не хотелось. Особенно было стыдно, если вдруг не могла доест, и тогда я думала — «Ну почему же именно этот кусок остался? А вдруг он хотел больше всех, чтобы я его съела, а теперь он остался без всех — без друзей, без любимого дела... что же будет в его жизни — помойка?»... Так меня трогала вся эта история. И если были силы, то я пыталась запихнуть последние кусочки в себя.

Но потом я вдруг поняла, что папа-то сам выбрал свое дело, а еда-то ведь не выбирала! А может, она и не хочет, чтоб ее ели. Тогда я совсем не знала, что делать. Я спрашивала разрешения у еды, а она разрешала, и тогда я подгрызала маленькие кусочки по бокам, чтобы не разрушить общей формы, чтобы еда могла жить дальше.

Вот сейчас мне 17 лет, и теперь мне нужно разобраться — что я за фрукт. И видимо, дело не в том, что я хочу и что не хочу. А дело просто в том — кто я.